

СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ ПЕШТИЧ

(1914—1972)

24 ноября 1972 г. умер Сергей Леонидович Пештич, видный советский ученый, доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, автор замечательного исследования по русской историографии XVIII в.

Вся творческая жизнь С. Л. Пештича, развернувшаяся на историческом факультете Ленинградского университета начиная с 1936 г. после перехода его из московского Института истории, литературы, философии и лингвистики, была посвящена изучению русской исторической науки XVIII в., понимаемой им в самом широком плане. Еще будучи студентом, С. Л. Пештич приступил к исследованию «Истории российской» В. Н. Татищева, наметив уже тогда ряд смелых и перспективных проблем в изучении труда выдающегося русского историка. Профессор М. Д. Приселков, возглавлявший в те годы исторический факультет Ленинградского университета, увидел в ранних работах С. Л. Пештича зрелые труды подлинного ученого.

Во время Великой Отечественной войны С. Л. Пештич служил в рядах офицеров Военно-Морского флота, защищавших Ленинград. Являясь сотрудником Исторического отдела Главного штаба Военно-Морского флота, он много сил и знаний отдал собиранию и обработке материалов, которые послужили основой для создания «Истории Военно-Морского флота Великой Отечественной войны советского народа». В 1947 г. вышла из печати подготовленная им «Библиография военно-морской истории второй мировой войны».

В 1944 г. С. Л. Пештич, находясь еще на службе в Военно-Морском флоте, защитил кандидатскую диссертацию «„История российская“ В. Н. Татищева как исторический источник». Эта работа по существу положила начало грандиозному труду С. Л. Пештича по русской историографии XVIII в., защищенному им в 1964 г. в качестве докторской диссертации. Публикуя в конце 40—50-х годов отдельные статьи, посвященные конкретным вопросам исторической науки XVIII в. в Трудах Отдела древнерусской литературы и в периодических изданиях Ленинградского университета, С. Л. Пештич готовил к печати I часть задуманного им монографического исследования «Русская историография XVIII века», которая была опубликована в 1961 г.

На огромном фактическом материале, в значительной части архивном, С. Л. Пештич рассмотрел начальный период развития русской исторической науки. Основное внимание уделено в I части изучению трудов по составлению истории Северной войны в первой четверти XVIII в. Работа С. Л. Пештича по анализу редакций «Гистории Свейской войны», выявлению роли Петра I и его ближайших сотрудников, принимавших участие в написании раннего исторического труда, делает его книгу необходимым источником для историков, историков литературы и общественной мысли в России XVIII в.

В этой книге впервые исследованы исторические труды раскольников, изложенные в сочинениях конца XVII—половины XVIII в.

Но особенно значительным научным достижением С. Л. Пештича было исследование источниковедческого значения «Истории российской» В. Н. Татищева. Грандиозный труд по сопоставлению рукописных списков сочинения В. Н. Татищева, установление характера первоначальной редакции под названием «Собрание из древних российских летописцев» и анализ двух последующих редакций явился большим вкладом С. Л. Пештича в изучение творчества русского историка XVIII в., способствовавшим дальнейшей разработке этой проблематики советскими учеными и подготовке первого академического издания «Истории российской» Татищева по двум редакциям, вышедшего из печати в 1962—1968 гг. (тт. I—VII) под редакцией С. Н. Валка.

Продолжая дальнейшую разработку русской историографии XVIII в., С. Л. Пештич издал в 1965 г. II часть своей книги, в которой рассматривается развитие исторической науки во второй половине XVIII в. Естественно, что во II части «Русской историографии» особое внимание уделено изучению творчества М. В. Ломоносова и его современников — Г. Ф. Миллера, П. И. Рычкова, В. В. Крестинина и многих других. Важно отметить, что С. Л. Пештич значительное место отводит рассмотрению вопросов, связанных с распространением исторических знаний в России второй половины XVIII в. Он показывает роль исторических знаний в общественно-политической жизни и отражение исторических сюжетов в русской литературе XVIII в. и в искусстве того времени.

В 1971 г. вышла из печати III часть монографии С. Л. Пештича «Русская историография XVIII века», в которой так же, как и в предшествующих книгах, на основании тщательного исследования рукописных и печатных источников освещены общественно-политические взгляды и исторические труды М. М. Щербатова, И. Н. Болтина и других историков конца XVIII в. Следует отметить, что С. Л. Пештич впервые разработал в своей книге вопрос об изучении местной истории России и показал значительное влияние на эти труды работ В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова, заложивших основы исторической науки нового времени.

По замыслу С. Л. Пештича, высказанному им летом 1972 г., он полагал закончить IV часть «Русской историографии XVIII века», которая должна была содержать теоретические выводы трех предшествующих частей, а также указатели: именной, предметный и географический. Такая работа безусловно необходима многочисленным исследователям, для которых книга С. Л. Пештича является ценным сводом громадного фактического материала, всесторонне исследованного и включенного в общий процесс развития исторических знаний в России XVIII в.

Неожиданная смерть помешала исполнить этот замысел. Лучшей благодарностью памяти большого ученого, внесшего значительный вклад в советскую науку по изучению русской историографии XVIII в., будет издание этой IV части книги, материалы которой подготовлены С. Л. Пештичем.

ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА КУЛАКОВА

(1906—1972)

22 июля 1972 года скорострительно скончалась Любовь Ивановна Кулакова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. В ее лице советская наука о литературе понесла тяжелую и невозполнимую утрату.

Творческий путь Л. И. Кулаковой как ученого начался в конце 1930-х годов, когда она написала и успешно защитила высоко оцененную Г. А. Гу-

ковским кандидатскую диссертацию «Ранний русский сентиментализм». С тех пор вся научная деятельность Любови Ивановны была посвящена изучению русской литературы XVIII века.

В 1947 г. вышел IV том десятитомной академической истории русской литературы,¹ в котором Кулаковой были подготовлены главы о Княжнине, Хераскове, Богдановиче, Львове, Нелединском-Мелецком, Муравьеве. Основные черты творческого облика исследовательницы прекрасно проявились в этой работе: безукоризненное знание материала, четкость и строгость изложения, темперамент и живое, одухотворенное, человеческое отношение к писателям, которые становились для Любови Ивановны объектом исследования.

Монографические очерки в «Истории русской литературы», являясь, с одной стороны, итогом всей предшествующей деятельности Л. И. Кулаковой, намечали в то же время перспективы ее дальнейших научных занятий. Так, на протяжении всей своей жизни она очень много внимания уделяет изучению творчества Я. Б. Княжнина. В 1951 г. она написала о Княжнине небольшую книгу,² а в 1959 — обширную статью.³ В этих работах было уточнено представление о классицизме Княжнина, об отношении его к идее просвещенного абсолютизма. Включаясь в многолетний спор о политическом содержании трагедии «Вадим», исследовательница аргументированно рассматривает эту пьесу как антидеспотическое произведение, поскольку Княжнин последовательно подчеркивает превосходство свободолюбца Вадима над идеальным монархом Руриком. Естественным итогом многолетнего изучения творчества знаменитого драматурга явилось издание его избранных произведений.⁴ Л. И. Кулакова подготовила и прокомментировала тексты и написала вступительную статью. Несомненной ее заслугой явился беспристрастный, объективный анализ одного из загадочнейших эпизодов литературного быта XVIII в.: ожесточенной ссоры и непримиримой вражды Я. Б. Княжнина и И. А. Крылова.⁵ Самое же главное заключалось в том, что после перерыва в 113 лет читатели и исследователи получили пускай избранное, но собрание сочинений Княжнина, впервые изданное на уровне современных научных требований.

Однако этой фундаментальной работе не суждено было оказаться последним обращением Л. И. Кулаковой к любимому автору. За год до смерти ею был опубликован текст доселе неизвестной сатирической поэмы Княжнина «Бой стихотворцев».⁶ Эта публикация далеко выходит за рамки простого сообщения о новом тексте известного писателя (что и само по себе было очень важно). Благодаря комментарию поэма Княжнина оказалась отлично вписанной в литературную обстановку середины 60-х годов XVIII в. Можно думать, что значение поэмы Княжнина не исчерпывается хронологическими рамками полемики 1760-х годов. Княжнин впервые в русской литературе изобразил определенный литературный кружок в виде скопища бездарных графоманов во главе с тупым и старым учителем (И. П. Елагиним). Спустя почти 50 лет В. Л. Пушкин (послание «К В. А. Жуковскому») и К. Н. Батюшков («Певец в Беседе любителей русского слова») в остроумных сатирах тоже показали руководителя литературного кружка — «славенофила» А. С. Шишкова. Вполне вероятно, что и Батюшков, и В. Пушкин знали

¹ История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947.

² Л. И. Кулакова. Я. Б. Княжнин. — В кн.: Русские драматурги. Научно-популярные очерки. М.—Л., 1951.

³ Л. И. Кулакова. Я. Б. Княжнин (1740—1791). — В кн.: Русские драматурги XVIII—XIX вв., т. 1. М.—Л., 1959.

⁴ Я. Б. Княжнин. Избранные произведения. Л., 1961. (Библиотека поэта. Большая серия).

⁵ Там же, стр. 13.

⁶ Л. И. Кулакова. Неизданная поэма Я. Б. Княжнина. — В кн.: Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 414, Л., 1971.

поэму Княжнина и сознательно использовали некоторые приемы его полемики. Не исключено также, что сатира Княжнина как-то повлияла на изображение членов «Беседы любителей русского слова» как учеников и последователей Тредиаковского в стихотворении молодого А. С. Пушкина «К Жуковскому».

В русле постоянных занятий русской драматургией находится устойчивый интерес Л. И. Кулаковой к творчеству Д. И. Фонвизина. В 1966 г. исследовательница предлагает новую датировку басни «Лисица-кознодей», чем вносит существенные изменения в представления о творческом пути писателя.⁷ В 1966 г. вышла написанная для школьников биография Фонвизина.⁸ При ясной и живой манере изложения, вообще свойственной Любови Ивановне и особенно необходимой в книге, предназначенной для юношеской аудитории, этот биографический очерк имеет и большое научное значение: уточняются отношения Фонвизина с елагинским кружком, убедительно доказываются принадлежность Фонвизину «Дружеского увещания Княжнину» и пр.

Любимым писателем Л. И. Кулаковой еще со времен ее кандидатской диссертации стал М. Н. Муравьев, которому она посвятила целый ряд статей. В 1967 г. вышла подготовленная ею к печати книга стихотворений Муравьева.⁹ Половину книги (100 стихотворений из 200) составляют впервые опубликованные произведения. Любовью Ивановной давно уже были подготовлены к печати — собраны и прокомментированы — письма М. Н. Муравьева. Однако осуществить свою давнюю мечту — издать эти письма — исследовательнице так и не пришлось. Нужно надеяться, что в очередном томе «Литературного наследства», посвященном XVIII в., будет наконец напечатано это бесценное для историков и историков литературы собрание.

Важнейшее место в творческом наследии Л. И. Кулаковой занимают работы, посвященные А. Н. Радищеву. Среди статей, уточняющих отдельные вопросы радищеведения (о датировке «Дневника одной недели»,¹⁰ о текстах оды «Вольность»,¹¹ о композиции «Путешествия из Петербурга в Москву»¹²), выделяется работа о списках «Путешествия».¹³ Она приобрела неожиданную актуальность в 1965 г. после появления рассчитанной на сенсацию книги Г. Шторма «Потаенный Радищев»¹⁴ о списках «Путешествия», якобы сделанных уже после возвращения Радищева из ссылки. Опубликованное в 1956 г. исследование сыграло большую роль во вновь начавшемся эр-

⁷ Л. И. Кулакова. Когда написана басня «Лисица-кознодей»? — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. (К 70-летию со дня рождения П. Н. Беркова). М.—Л., 1966, стр. 174—180. Предположения Кулаковой были позднее полностью подтверждены разысканиями Х. Грасхофа (см.: Поэты XVIII века. Л., 1972, т. 1 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 589—590).

⁸ Л. И. Кулакова. Денис Иванович Фонвизин. М.—Л., 1966.

⁹ М. Н. Муравьев. Стихотворения. Л., 1967. (Библиотека поэта. Большая серия).

¹⁰ Л. И. Кулакова. О датировке «Дневника одной недели». — В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950.

¹¹ Л. И. Кулакова. К вопросу о тексте оды А. Н. Радищева «Вольность». — Изв. АН СССР, отд. литературы и языка, 1956, т. XV, вып. 2.

¹² Л. И. Кулакова. Композиция «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (лекция). Л., 1972. Эта небольшая книга стала последней опубликованной при жизни работой Любови Ивановны.

¹³ Л. И. Кулакова. Из истории создания и судьбы великой книги. — Ученые записки ЛПИИ, т. XVIII, вып. V, 1956.

¹⁴ Г. Шторм. Потаенный Радищев. (Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву»). М., 1965.

гичном изучении рукописной традиции «Путешествия из Петербурга в Москву».¹⁵

В 1949 г. Кулаковой была написана книга о Радищеве,¹⁶ в 1951 г. переведенная на эстонский язык. Изучение Радищева легло в основу докторской диссертации Любови Ивановны «А. Н. Радищев и вопросы художественного творчества в русской литературе XVIII века. (Из истории русской эстетической мысли)», защищенной в 1954 г. Работу над Радищевым Любовь Ивановна не оставляла буквально до конца своих дней. За несколько дней до смерти она заканчивала книгу «Радищев в Петербурге», которая скоро должна появиться на прилавках книжных магазинов.

Наряду с конкретными историко-литературными исследованиями Л. И. Кулакова много внимания уделяла теоретическим проблемам истории литературы. Им в существенной степени была посвящена ее докторская диссертация и ряд статей: «Просветительство и литературные направления XVIII века»,¹⁷ «Проблема характера в русской комедии XVIII века»¹⁸ и др.

Наиболее значительным произведением Любови Ивановны, посвященным теоретическим проблемам, стала книга «Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века»,¹⁹ вобравшая в себя часть материалы ее докторской диссертации, частью замыслы и идеи, разработанные в статьях «Эстетические взгляды Карамзина»,²⁰ «Полемика по вопросу о сатире в русской литературе XVIII века»²¹ и др. Вместе с тем эта книга является целостным монографическим исследованием, рассматривающим развитие русской эстетической мысли. В центре внимания автора оказываются предпосылки и элементы реалистической эстетики в русской литературе XVIII в., прослеживаемые на богатом и многообразном материале. Работа эта стала серьезнейшим достижением советской науки и вызвала большое количество откликов как в нашей стране, так и за рубежом.²²

Любовь Ивановна Кулакова умерла в расцвете творческих сил. Многие она написала, многое могла бы еще написать, но и сделанного достаточно, чтобы навсегда сохранить ее имя в истории русской культуры.

¹⁵ См.: В. А. Западов. Работа А. Н. Радищева над «Путешествием» (еще раз о проблемах радищевской текстологии). — Русская литература, 1970, № 2 (здесь же основная литература вопроса за последние годы).

¹⁶ Л. И. Кулакова. А. Н. Радищев. (Очерк жизни и творчества). Л., 1949.

¹⁷ В кн.: Проблемы русского просвещения в литературе XVIII в. М.—Л., 1961.

¹⁸ В кн.: Проблемы жанра в истории русской литературы. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 320, 1969.

¹⁹ Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968. (Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 358).

²⁰ В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. (Сб. XVIII век, вып. 6). М.—Л., 1964.

²¹ В кн.: Очерки по истории русской литературы. Л., 1966. (Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 309).

²² Я. Гордин. У истоков русской эстетики. — Вопросы литературы, 1969, № 9; М. Г. Альтшуллер, В. Э. Вацуро. Русская эстетика XVIII века. — Русская литература, 1970, № 1; А. Д. Оришин. Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века [рецензия]. — Изв. АН СССР, отд. литературы и языка, 1970, т. 29, вып. 3; P. Hoffmann. Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. — Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1970, Bd. 15, H. 6.